

A romantic couple is shown in a close embrace in a forest. The man, with long dark hair tied back, wears a white shirt and a dark scarf. The woman, with blonde hair in a bun, wears a light blue dress. They are looking at each other intensely. The background is a forest of birch trees with a warm, orange glow from the setting or rising sun.

Полин Реси

*Несколько
быстрых строк*

Полин Реси

Несколько быстрых строк

«Автор»

2026

Реси П.

Несколько быстрых строк / П. Реси — «Автор», 2026

Россия. Начало 19 века. Блистательный Петербург. Книжная провинциальная барышня, скромная дебютантка Катенька Нелидова, тонкая щепочка в бескрайнем море балов, приёмов, немыслимых туалетов и томно трепещущих вееров. Чем и удивить всё выдавшую великосветскую публику столицы Империи? Разве что нечаянным скандалом в театре. И поймать короткий внимательный взгляд князя Гагарина. Чтобы однажды он спросил: "Вы можете мне написать?"

© Реси П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава1. О том, как богата земля Русская красавицами	7
Глава2. Девичьи стёжки-дорожки	9
Глава3. Юлия, или Оплошность в трех актах	11
Глава 4. О чём говорят, думая, что не станут...	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Полин Реси

Несколько быстрых строк

Пролог

Катенька Нелидова нынче ночью совершенно не могла спать. Ночная рубашка путалась в ногах, чепец тянул волосы, под одеялом было невыносимо жарко, но стоило его скинуть, как же зябко, что нет сил заснуть! Нянюшка Аксинья только вздыхала на своём топчанчике в углу, без слов укоряя вертушку, будившую её раз за разом. Нет, спать решительно невозможно!

Катенька поднялась, засветила свечку, пристроила её на изящный секретер, доставшийся от старшей сестры Оленьки, два года назад вышедшей замуж на помещика Коровина. Хихикнула, до чего же смешная фамилия! И сам Оленькин муж ей под стать, со своим имением в Привольском, всё сплошь в лугах да пастбищах, по которым, конечно, бродили пёстрые бурёнки, делавшие фамилию хозяина ещё смешнее! Он был полноват, чуть лысоват спереди, вечно суетно озабочен делами имения, какими-то важными сельскохозяйственными затеями, но, к его чести, и благополучием своей обожаемой Оленьки. Лето Катенька с маменькой провели в Привольском, со скучным Никитой Петровичем, тем самым Коровиным, и ожидавшей первенца сестрицею. Но теперь! Теперь Катенька ждала заслуженной награды за стойко выдержанную этим летом скуку, унылые вечера за вышиванием и полное отсутствие хоть какого-то иного общества, кроме маменьки да вечно воркующих друг с другом супругов. Катеньку ждал первый в её жизни Сезон!

Строгие родители и без того заставили её ждать ужасно долго. Конечно, сперва надобно было выдать замуж старшую Ольгу, а коль разница у них была едва ли два года, без трёх месяцев, то Катенька ждала своей очереди, кукуя с тёткой в имении всю позапрошлую зиму. Повезло, как поначалу думала Катенька, сестрицу просватали скоро и свадьбы не ждали, быстро всё сладили. Казалось бы, следующий Сезон был её! Но не тут-то было! В конце осени маменька расхворалась и решено было отложить ещё на год! И вот ей уже восемнадцать лет! Ужас! Соседская Маша, Мария Хвостова, вот бы кому стоило пойти за Коровина, улыбнулась озорной мысли Катенька, так вот, соседская Маша дебютировала в шестнадцать. Правда до сей поры так и сидела в девках. Уже четвёртый год.

Катенька открыла заветный свой журнал. Пока в нём было всего-то пара выписанных из модных изданий стихов каких-то загадочных авторов, подписывавшихся только буквами, да пара записей от добросердечных папенькиных знакомцев. Лестных, но совершенно не гревших Катенькино сердечко. Это же ещё не поклонники! Листала пустые пока страницы, мечтая, как появятся на них пылкие признания, и непременно в стихах. Но и не так, чтоб совсем уж прямые, а про нимф или Психею, пленившую Амура. Иначе, конечно, будет неприлично. Наверно, надо будет те записи сначала показывать маменьке, и, ежели не одобрит, тотчас безжалостно вырывать, хотя, жалко было ужасно, даже сейчас, когда и признаний никаких ещё не было. Но в том, что они скоро появятся, девушка не сомневалась. Все твердили, что собою она чудо как хороша. Лицо чистое, как снег белое, с фарфоровой нежной кожей, никакой пудры не надобно. Брови такой изящной линии, высокие, будто чуть удивлённые, не чёрные, мягкого каштанового цвета, ресницы длинные, густые, что бабочкины крылья. Губы, пожалуй, слишком, по Катенькиному мнению, яркие, как у деревенских девок, наевшихся ягод. Но главным её достоинством, безусловно, были глаза. Они смущали и папенькиных степенных приятелей, и сестрициного мужа, а маменька хвалила их с какой-то странной тревогой в голосе. Глаза её, огромные, заставлявшие забыть обо всех прочих её прелестях, были странно, колдовски изменчивы. При ясной погоде и на воздухе сияли сказочной голубизной ясного весеннего утра,

в пасмурную же погоду внезапно становились тёмно-серыми, странно глубокими, будто перед вами не девица восемнадцати лет, наивная девочка. И зеленели вдруг, когда Катенька смеялась, особенно при свете свечей. А ведь был ещё и тонкий стан, и изящные руки, и толстая коса цвета спелой пшеницы. Конечно, Катенька ждала своего дебюта, так много ей обещавшего!

Вот и не могла спать в непривычном к тому же петербургском доме, строгом и холодном по сравнению с уютным их имением в Псковской губернии. Вот и вертелась всю ночь, всё мечтая, как представит её завтра папенька на балу у графа Разумовского, куда достал-таки приглашение, наверно, каким-то чудом. Как станут её приглашать кавалеры, непременно красивые и статные, и как это всё будет чудесно, как сказочно! Ах, упала спиной на перину, раскинула руки, устремила очи к расписному весёлыми купидончиками потолку, да, наконец, и заснула.

Глава1. О том, как богата земля Русская красавицами

Катенька едва не плакала. Поначалу блестящий особняк, в котором предстояло случиться первому её балу, страшно взволновал её сердце. Нельзя было и представить, что бывают дворцы столь роскошные, потолки такие высокие, люстры такие огромные! А сколько было блестящей публики! Кареты роились у парадного крыльца, кричали извозчики и лакеи, споро ступали из распахнутых дверей нарядные пары, торопясь тут же подняться по застланым коврами ступеням, чтобы быстрее отогнали карету, дав место уже ждавшей следующей. Куда и деваются потом все эти экипажи, подумала Катенька. Не в Неву же! Хоть другого места, кажется, больше и не было. И столько было света. И снаружи, а уж в самом дворце! Свечей великое множество, считать их, наверно, до завтрашнего вечера. Но быстро она пожалела и о множестве свечей, и о множестве гостей бала тоже.

Поначалу дебютанток представляли свету, выстроив их одной длинной линией. Все сплошь в белых платьях, с неизменной девичьей ниткой жемчуга на изящных шейках. Все тонкие, нежные, и, поняла Катенька, все как одна хорошенькие. И приличествующая им скромность, и потупленные взоры, и модные, но такие простые причёски, сделали их почти одинаковыми, разве что отличались девушки цветом волос, но, вот беда, богата была Россия блондинками. Всего-то две тёмные головки, остальные сплошь белокурые. Танцев было много, но блестящие кавалеры выводили в центр зала всё больше ярких красавиц в немыслимых туалетах и бриллиантах, ах, отчего и позволяют танцевать на балу замужним дамам, и ладно бы те танцевали с мужьями!

Катенька ужасно томилась подле маменьки и таких же, как она, девиц, впервые явившихся свету. Конечно, приглашали и её. Два раза папенькины друзья, им сами, наверно, подговоренные, и брат одной из других дебютанток, бледный худой юноша, трижды наступивший ей на ногу. Он краснел сильнее самой Катеньки, называл её зачем-то нимфою, а под конец, совершенно смутившись, Елизаветой Ивановной, хотя поутру она точно была Катериной.

Свечи оказались хуже иной печи, в зале было ужасно жарко и душно, огромные окна давно покрылись мутной влагой, а кругом стоял уже какой-то прямо конский дух от разгорячённых гостей, свечного воска, пудры дам и пропотевших туалетов. Дебютанткам одной за другой становилось дурно, и уже было не понять, от духоты ли, или бедные девушки просто отчаялись иначе привлечь к себе внимание. У самой Катеньки тоже кружилась голова. От расстройства, от жары, от всей этой шумной круговерти. Матушка обмахивала её веером.

И, видно, чтобы вечер стал уж вовсе невыносимым, в самый разгар бала она увидела воплощённую свою мечту. Мужчина, что, кажется, шёл к ней и на неё одну смотрел, столь красивый, столь высокий и статный, что сердце её не просто вздрогнуло, оно подпрыгнуло, совершив какой-то немыслимый кульбит, и замерло в предчувствии. На нем был тёмно-зелёный мундир с золотыми эполетами, генеральский, как знала Катенька, подчёркивавший и стройность его, и ширину мужественных плеч, и восхитительно высокий рост. Ноги, длинные и сильные, в белых парадных брюках, узких, так что смотреть совестно. Волосы, густые и тёмные, развевались от быстрого шага, будто всё же заглянул в бальную залу пронзительный петербургский ветер. «Князь Гагарин,» - шепнул кто-то подле неё с каким-то страшно рассердившим её благоговением, будто уже хотели отобрать у неё этого вышедшего из девичьих сладких грёз мужчину. Он почти уже было подошёл к ним, но тёмные глаза вдруг скользнули по её лицу в сторону, не задержавшись и доли мгновения, улыбка озарила красивое до строгости лицо, полыхнуло что-то в его взгляде, неведомое, жаркое, волнующее. А навстречу ему уже летел женский голос, уверенный, будто бы торжествующий:

- Андрэ! – и сначала показалась тонкая рука с бриллиантовым слепящим браслетом, а затем алое платье, и локоны сплошь золотые, сияющие в многотысячном пламени свечей. Он

подхватил эту руку, прижал к губам, плеснул жаром очей, и тёмная прядь упала ему на лоб, непокорная, всё как в романах, что Катенька этим летом нашла у сестры на самой дальней полке. И эта ужасная женщина, конечно же, пошла с ним танцевать. Она смеялась каким-то его словам, легко и весело, и руки её касались князя слишком свободно, будто не просто не в первый раз, а словно он давно и навсегда принадлежал ей. Катенька смотрела и смотрела, хотя, конечно, давно стоило бы отвернуться, но отвернуться сил совсем не было...

Возвращаясь обратно в карете, казавшейся ей до того роскошной, а нынче, после всего увиденного, очень скромной, она смотрела на стылые зимние улицы, их не видя. В глазах стояли горячие девичьи слёзы, полные обиды то ли на судьбу свою, то ли на ту красавицу, так вольготно расположившуюся в самом центре её, Катенькиной, самой заветной мечты. Дома она первым делом швырнула в печку свой журнал, отмахнулась от няньки, а потом и вовсе попросила оставить её, раз и навсегда позабыв свой детский страх оставаться ночью одной. Маменька вздыхала, папенька посмеивался, потому как давно уже надумал, за кого станет её отдавать будущим летом. Катенька же сидела у окна, глядела на жёлтые уличные фонари, на мёрзлую слякоть мостовых, редких по позднему времени прохожих и нахохленные от ветра экипажи, и думала, думала, думала...

Глава2. Девичьи стёжки-дорожки

Вернее, поначалу она только ужасно сердилась. На замужних дам с их дорогими туалетами, блестящей уверенностью в своей красоте и сияющими драгоценностями. На кавалеров, приглашающих этих дам и ухаживающих за ними, как даже за невестой ухаживать неприлично. На мужей, отчего-то всё это позволяющих. Даже немного на Императора, которому следовало, конечно, запретить подобные безобразия. Последняя мысль показалась Катеньке уж слишком крамольной, и она побыстрее свернула в сторону, чтобы не было потом совестно.

Затем она грустила о своей судьбе. Ведь стало понятно, что дебют, о котором она так грезила, нисколько не похож на всё произошедшее. И завтра не полетят в их дом визитки и букеты от очарованных кавалеров. А самих дебютанток, в таких же платьях, с такими же мечтами, - в столице видимо-невидимо. И достанется ей другой какой-нибудь помещик Коровин, может, с ещё более смешной фамилией. И жизнь, такая предсказуемая, такая понятная, даже родная, как у папеньки с маменькой, как у Оленьки, что она видела её всю наперёд, каждый день её видела заранее.

А потом подумала, что папенька, никогда ни копейки не тративший попусту, наверно, не стал бы просто так бросать деньги на ветер, везя их в Петербург, оплачивая наряды и экипаж, и билеты в театр, обещанный на послезавтра. И, возможно, он заранее знал, каким покажется ей и этот бал, и вся столичная светская жизнь... Нельзя было назвать Катеньку совсем уж наивной девушкой. Она, конечно, была очень мечтательна и много всякого себе придумала. Но откуда же было ей брать поводы для уже ждавших своего часа чувств и желаний, когда ничего она до того не видела кроме родного имения да пары ближайших соседей, пожилых и старомодных помещиков, кажется, даже не распрощавшихся до сих пор с напудренными париками, да ещё дома сестры. А, вместе с тем, в сердце её уже была и надежда на любовь, и ощущение себя другой, взрослой, уже не девочкой, и смелость вступить в большую жизнь, о которой она почти ничего не знала, но оттого хотела её нисколько не меньше.

В ней вдруг упруго и сильно, словно согнутая гибкая лоза, выпущенная из пальцев, что-то распрямилось. И все давешние мечтания застыли, перед тем как рассыпаться. Но не с печалью и сожалением, не с горечью, а с чувством неожиданного освобождения. Она ясно увидела, как перед ней словно бы побежали вперёд две дорожки, а пойти она может лишь по одной из них. Первая была, видно, хитропроложена папенькой. К очередному помещику Коровину, надёжному, скучному, с которым непременно «стерпится-слюбится», как у милой ей Оленьки. И нельзя сказать, чтобы девушка сердилась за это на папеньку. Он хотел для неё лучшего и устраивал его, как понимал. Вот только видела Катенька и другую дорожку. И сердце её замирало надеждой. На той дорожке ждала её любовь, большая, совершенно пока не понятная, смотревшая на неё со страниц припрятанных под подушкой книжек. Вот только узнать её, идя папенькиной ровной дорожкой, Катенька уже не надеялась.

Она распахнула шкаф и принялась перебирать новенькие свои платья, такие ровные, такие белые, одно только жёлтенькое, но такое бледное... И не было никакой надежды, что в одном из них с ней может приключиться хоть что-то стоящее даже того, чтобы просто их надеть и снова куда-то трястись в экипаже по промозглым улицам. Но ведь и ничего другого надеть ей никто не разрешит... И так было от этого обидно, так горько, что ум её, бесконечно мечтательный оттого, что не было ему в их глуши иных развлечений, заработал с какой-то лихорадочной, горячечной силой. И Катенька придумала, без сомнения, представив себя героиней какого-то романа.

С самого утра она всё носила из библиотеки какие-то книги и без конца писала, запершись у себя в комнате. За ужином маменька попеняла, что пальцы Катеньки перемазаны чернилами, но она отговорила перчатками, которые всё одно наденет завтра в театр, а потому

волноваться не о чем. Маменька даже отправилась к ней в комнату. Что ж, никаких бульварных книжонок она там не обнаружила. На столе были «Юлия, или Новая Элоиза» Руссо, «Адольф» и «Рене» Шатобриана и отчего-то «Бедная Лиза», быть может, с точки зрения маменьки, самая сомнительная в руках молодой девушки. Маленькие аккуратные листочки на столе были покрыты выписанными ею из книг цитатами, которые могли бы вызвать куда больше опасений, но их добрая Анна Сергеевна смотреть не стала. Книги были до сих пор модные, но уже не новые, в библиотеке угнездились давно. И она, пожав плечами на очередную забавную блажь дочери, удалилась к себе. Перед завтрашним днём предстояло выспаться. А между тем...

То, какие именно слова выбрала Катенька, могло навести её на многие мысли, положенные матери:

«Не только в гордости, но и в чрезмерной скромности есть своя опасность,» - было выведено старательным девичьим подчерком, ещё не изобретшим себе причудливых завитушек опытных дам. *«Прикидываться равнодушной, когда сама во власти страстей; казаться весёлой и довольной, когда ты жертва тысячи невзгод; сочетать внешнее спокойствие с душевной бурей; никогда не говорить то, что думаешь, скрывать всё, что чувствуешь; притворяться ради долга и лгать из скромности – вот обычное состояние девушки моего возраста»*. Ох, стоило, стоило ей быть чуть полюбопытней!

Путру Катенька аккуратно сложила бумажки ровной стопочкой и спрятала их в изящную сумочку, купленную специально для долгожданной поездки в Эрмитажный театр. Слов нет, батюшка, и правда, расстарался, добывая им места.

Глава3. Юлия, или Оплошность в трех актах

В иной раз один только вид Зимнего дворца, а уж тем более возможность оказаться там, где можно было увидеть самого Императора, заставил бы Катеньку трепетать. Но нынче другое билось в её сердце. Всю дорогу батюшка рассказывал, как ужасно горел Большой театр в Новогоднюю ночь, отчего теперь труппа почти рассеялась, и смотреть они будут на приглашенных французских актёров. Маменька втолковывала сюжет модной оперы «Весталка», всё больше напирая на важность долга и послушание родителям, забыв о которых Юлия, та самая жрица-весталка, чуть было не погибла страшной смертью. Но всё равно выходило, что любовь победит, а потому Катенька улыбалась всё мечтательней, а Анна Сергеевна всё тревожнее поглядывала на мужа. Павел Андреевич же, напротив, был всем доволен. Поутру он получил долгожданное письмо с твердым обещанием своего полкового товарища, Ивана Семёновича Степнина, что он с сыном непременно будет на приеме у князя Гагарина, куда ранее испросил приглашения и для Нелидовых.

Обескураживший Катеньку большой бал должен был исподволь донести до неё то, что она от родного отца, как и все прочие девицы, слушать нипочём бы не стала. Ещё бы, девушка, привыкшая слушать, как чудно она хороша собой и, без сомнения, намечтавшая уже себе роман не меньше, чем о трёх томах, и непременно с принцем. Разве согласится она с выбором отца, давно желавшим породниться с другом и сговорившимся с ним, когда судьба в один год дала одному сына, а другому младшую дочь? Павел Андреевич, сына от супруги так и не дождавшийся, в старой задумке окончательно утвердился и теперь сможет оставить имение своё надёжному человеку. Впереди была поучительная опера, на которую тоже возлагались немалые надежды.

Так, в одной карете к Зимнему дворцу прибыла встревоженная маменька, страшно самоуверенный хитрец-папенька и Катерина Павловна Нелидова восемнадцати лет с глазами, горевшими такой пронзительной зеленью, что обоим родителям стоило бы повернуть лошадей назад.

Места им, конечно, достались не самые дорогие, почти на самом верху непривычных полукруглых лож, расположенных одна над одной, но зато у самого прохода. Публика была самая светская. Оперу показывали уже не первый месяц, но с тех пор, как сгорел Большой театр на Театральной же площади, сюда, в Эрмитажный, собирались больше поглазеть на наряды и поделиться сплетнями, а порой и сойтись с кем-то накоротке. Господа ходили от ложи к ложе, не чинясь, дамы игриво обмахивались веерами, обстановка царяла самая располагающая.

И маменька, и Катенька волновались всё больше, но каждая о своём. Папенька предвкушал развитие сюжета собственной постановки, прочие господа и дамы, сами того не зная, были оставлены лишь в качестве статистов. Правда, внимательному взгляду стало бы ясно, что дама во втором ряду, снова в ярко-алом, донельзя открытом, почти обнажённом наряде, блистательная Елизавета Семёновна Штейн, так коварно разрушившая мечту дебютантки всего лишь позавчера, полагала себя скорее примой. Она смеялась дерзко, веером обмахивалась так истово, будто норовила создать собственную ручную бурю, а глазами по сторонам сверкала в таком нетерпении, что публика следила лишь за ней. Елизавета Семёновна ждала, ждала отчаянно, будто сейчас решалась её судьба. И, само собой, ждала она появления князя Гагарина.

Андрей Гагарин, тот самый Андрэ, легко избежал по лестнице и вошёл в зал. Ему было неизвестно, что его недавнее обещание быть в театре Елизавета Штейн восприняла куда серьёзнее. Слуги были удалены из её особняка на Фонтанке, стол в маленькой гостиной, смежной со спальней, был накрыт с особенным тщанием, а доверенная французская горничная готовилась подбросить поленьев в камин аккурат перед возвращением «мадам», а после подогреть шелковые простыни ручной чугунной грелкой. На полке камина лежало долгожданное письмо из

Германии, куда уж год как отправился её престарелый супруг, наскучивший ей до зубовного скрежета. Писал не он, писал по его просьбе доктор, сообщивший «фрау Штейн», что барона разбил паралич и дни его на исходе. Елизавете вменялось немедленно отправиться в путь, дабы успеть повидать супруга и услышать его последние наставления. Впереди были её слёзы, прекрасные и нежные, её мольбы к князю о совете и поддержке, его утешения, а дальше... О, Андрэ, думала она, сейчас, когда я почти уже свободна...

Всего этого князь, конечно, же не знал. А если б знал, то, наверно, смеялся бы, решив, что это какой-то розыгрыш. Баронесса Штейн ему, несомненно, нравилась, как часто нравятся раскованные и красивые женщины, которым ты ничего не должен. Они мастерски отрезают от тебя охочих до завидного жениха соперниц, веселят кровь, дразнят и скрашивают светское чопорное уныние, а их замужний статус ни к чему тебя не обязывает. Знай прекрасная баронесса, что полученное ею заветное письмо вызовет у Андрея единственное желание – положить её саму в этот конверт и отослать супругу...

Елизавета Семёновна призывно помахала веером. Князь поклонился ей издали, но подходить не спешил, а занял место в первом ряду, тут же заговорив с кем-то из камергеров двора. Елизавета завидела мундир, но лица рассмотреть не могла. Она была близорука, но даже лорнет казался ей ужасно, невозможно портящим её красоту. Так начался первый акт. Римский полководец Лициний явился домой победителем. И узнал, что его возлюбленную отдали жрицей в храм Весты.

Катенька должна была задуматься о судьбе прекрасной Юлии, решенной её отцом. Папенька специально посмотрел на неё в этот момент со значением и даже немного почувствовал себя римским патрицием. Но девушка глядела куда-то в сторону, то бросая косые, тайные взгляды на князя Гагарина, то следя за всё делающей ему какие-то знаки дамой в алом платье. Из происходившего на сцене она заметила лишь то, что возлюбленную римлянина звали Юлией, точно как в книге Руссо, и увидела в этом добрый для себя знак.

Первый акт был кончен, публика оживилась. Катенька поднялась, сжимая в руке стопку своих листочков, которые последние несколько минут держала в руках, собираясь вытащить наугад один и уж по нему понять и свой выбор, и грядущее будущее... Словно иная античная жрица или вещая Пифия. Маменька дёрнулась усадить её на место, папенька дёрнулся тоже, оттого оба они толкнули Катеньку, рука её взлетела, пальцы сами собой разжались. Девушка ахнула, как нарочно, попав в единственную крошечную паузу во всеобщем гомоне, сидевшие рядом обернулись. Сидевшие поодаль последовали за ними, повинувшись особому светскому инстинкту ни в чём не отставать от общества. На миг Екатерина Павловна Нелидова вдруг стала точкой всеобщего внимания, а потом по залу закружились выбитые из её руки крошечные листочки.

Кто-то подобрал первым. Прочёл, показал соседу. Аккуратные бумажки кружились и находили чьи-то руки.

Елизавета Штейн прочла: *«Исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви»*. Она вздрогнула и посмотрела на князя.

Один из камергеров двора улыбнулся: *«Встарь совершали великие дела малыми средствами, а ныне – делают наоборот»*. Дама двумя рядами ниже Нелидовых показала дочери: *«Человек не живёт одной и той же жизнью; у него их несколько, он переходит из одной в другую, - такова его жалкая участь»*. И вздохнула. Молодой человек протянул своей невесте: *«Чем более я тобою очарован, тем возвышеннее становятся мои чувства»*.

Князь Андрей Гагарин забрал из руки кинувшегося собирать записки лакея: *«Знаешь ли ты, что такое сердце мужчины? Можешь ли счесть, сколько переменчивых желаний теснится в нем? Сочти сколько волн у бушующего моря!»* И поднял взгляд на Катерину Нелидову. И тут же начали второй акт. Свидание в храме. Гаснущее на алтаре пламя. Верховный жрец, требующий от Юлии выдать имя её возлюбленного. Папенька и маменька Катерины в смяте-

нии, сама она едва ли жива, не понимая, к добру или к худу всё случилось так, как случилось. Князь тем временем всё вертел в пальцах странную бумажку, оброненную незнакомой девушкой с глазами лесной ведьмы. О, если Катенька и жалела давеча, что никто не желал обратить на неё своё внимание, теперь этого внимания было предостаточно. На сцене прекрасная Юлия совершала подвиг любви, но обществу, кажется, это было совершенно безразлично. Бумажки дебютантки взбудоражили их куда сильнее.

Перед третьим актом записочки успевали обежать весь небольшой зал театра. *«Если душа долго и глубоко занята предметом своей страсти, то неизбежно усваивает и некоторые его черты,»*- читали одни, и передавали другим. А взамен получали: *«Есть вещи, о которых долго не говоришь себе, но раз скажешь, то никогда не перестанешь повторять...»*. Взгляды то и дело возвращались к невольной, невольной ли?, виновнице всего этого переполоха. Она сидела, скромно потупившись, родители старались сохранять невозмутимость, так плохо им дававшуюся, но все трое нет-нет да и бросали взгляды по сторонам. Она – весёлый и любопытный, будто дитя после удавшейся проказы, они - обеспокоенные и растерянные.

Князь выудил ещё одну бумажку из чьих-то рук: *«Сердце наше – несовершенный музыкальный инструмент, лира, на которой не хватает струн, почему мы и вынуждены петь о радости на мотив, предназначенный для жалоб»*. И, наконец, пришло время последнего акта. Елизавета Штерн скомкала в руке: *«Когда счастье недостижимо, надобно искать своё счастье в счастье того, кого любишь, одно это и остаётся тому, кто любит безнадежно»*.

Глава 4. О чём говорят, думая, что не станут...

На обратном пути домой в карете царило молчание столь густое, что в нём было можно задохнуться. Папенька время от времени странно взбулькивал, будто не мог сдержать рвавшиеся наружу слова, но тотчас умолкал. Маменька вздыхала. Катерина смотрела в окно и думала о князе Гагарине. Оказывается, уже завтра на его приёме они должны были встретиться с каким-то папенькиным другом. На его приёме. В его доме. После того, как он на неё посмотрел. Не мазнул взглядом, даже не заметив, как тогда на балу. А посмотрел, будто ему действительно стало интересно.

- Боже, я не могу сказать Степнину, что мы не будем у князя! – Павел Андреевич всё же озвучил свои мысли.

- Почему не будем? – удивительно спокойно спросила Катенька. Отец поднял очи к воображаемым небесам, будто молился о терпении.

- Паша... - особым упредительным голосом сказала Анна Сергеевна, как говорила всегда, когда ожидала, что супруг перейдёт на запрещённый дома «армейский» язык. Павел Андреевич всплеснул руками.

- Такой конфуз! – воскликнул он, выбрав-таки выражение, от которого супруга не должна была выказать неудовольствия. Анна Сергеевна кивнула, то ли одобряя выбор слова, то ли соглашаясь с мужем. Катенька закатила глаза, в точности, как делала это дома, если её не пускали на реку или принимали сторону вредной немки-гувернантки.

- У меня просто выпали бумажки! С любым могло случиться. Не платье лопнуло, - напомнила она недавний скандальный случай на именинах у соседки-помещицы, ставший поводом для разговоров на долгие недели, пока с колокольни не упала оброненная пономарём колбаса, и это в пост!

Родители посмотрели на дочь, будто видели её в первый раз. Нормальной девице полагалось биться в истерике, хотя бы упасть без чувств, как заморский зверёк опоссум, отвечавший так на все жизненные вызовы. Про опоссума думала Катенька, вычитавшая про это чудо в большом иллюстрированном атласе, тяжелом и манящем неведомыми далями. Ей давно казалось, что именно опоссум был примером поведения для многих знакомых девиц и дам.

И правда, что такого произошло? Она не бежала с гусаром, не сменила веру, всего лишь обронила какие-то листочки с каракулями. И пока Степнину не рассказали иначе, нужно было ковать железо, решил Павел Андреевич.

А тем временем Елизавета Штейн, по-прежнему баронесса и почти вдова, сидела в своём экипаже и не понимала, как же ей не удалось уговорить князя поехать к ней по «чрезвычайно важному делу, о котором она хотела просить его совета»?

- Лиззи, друг мой, - Андрэ поцеловал ей руку, - Ваша репутация для меня стоит куда дороже, чем минутное удобство. Я найду время на приёме, и мы всё обсудим. Завтра, моя дорогая, жду вас у себя.

Нужно было скорее добраться домой, потому как нестерпимо хотелось что-нибудь этакое разбить, да чтоб об стену, вдребезги, со следом, который навечно останется на стенах назло безвкусным обоям в аляпистых павлинах, так любезных супругу. Горничной-француженке предстояло чуть ли не самый тяжелый в жизни вечер с «мадам».

Катенька поднялась к себе, мечтая остаться одна, но уже минутой позже в её комнату вошла матушка.

- Катя... - в голосе не было строгости, была странная осторожность женщины, которая увидела в дочке больше не девочку, а другую женщину, молодую, неопытную, но уже женщину, и не знала пока, что с этим делать.

- Катя, ты можешь думать, что я не читала твоих книжек, что я совсем погрязла в деревенской жизни и ровным счётом ничего не смыслю в современной жизни. Провинциальная помещица, - она пожала плечами и вздохнуло почти виновато. Ах, ведь могла бы она стать, как те блестящие дамы на балу, ловкие, знающие, как поступить в любой ситуации. Но нет, выскочила замуж за своего Павлушу ещё девчонкой, свила гнёздышко, растила девочек, варила варенье и тихо радовалась, что так всё просто. А вот непросто оказалось. Катя глядела на неё, заранее упрямая, незнакомая.

- Ты просто не смотри так на Гагарина, не смотри, как в театре смотрела.

- Как?

- Будто тебе надо, чтобы и он посмотрел на тебя.

- А если и правда надо? – спросила Катя, и сжала губы, как в детстве, когда обижалась на неё.

- Это пусть... Просто, ему о том знать не надобно.

И увидела, что Катенька её вдруг поняла, улыбнулась с озорной искрой. Почувствовала тем нарождающимся женским чутьём, которое матери было видеть и отрадно, и боязно одновременно.

И опять было всё то же. Суета сборов, папенька только впервые волновался более своих дам, осматривал Катенькин наряд, лез неловкими пальцами поправлять и без того безупречную причёску, снова тряслись по скользким и ухабистым от застывшей комьями слякоти мостовой, теснились экипажами, сбрасывали теплые вещи ополоумевшим от обилия гостей слугам. И опять море света, и парадная лестница на зависть даже Зимнему дворцу, и он, князь Гагарин, встречающий гостей на самом верху. Узнал, хоть Катенька и опускала глаза скромницей:

- Сердечно рад, Екатерина Павловна.

Знает? На нем белый кирасирский колет, с золотом. К чему? Тревожно повернулось внутри. «Французский выскочка», папенька говорил, что не миновать им с ним схлестнуться. Неужто, и впрямь это случится? Темные волосы упали на высокий лоб, когда он склонил вдруг голову. Даже не минута, меньше, но теперь он наверняка её видел, не скользил взглядом мимо, как по рисунку обоев, видел, и это было больше, чем она думала.

Павел Андреевич тянул их куда-то, вертелся, махнул кому-то, по-простецки, ближайшие даже обернулись с осуждением. Но ему было уже всё равно, близилась развязка его интриги, к ним спешил дородный краснолицый господин, улыбался похожей улыбкой, протягивал заскорзлую, мужицкую почти руку.

- Позвольте рекомендовать вам, мой сослуживец, Иван Семенович Степнин. Любите его и жалуйте, как я его жалую.

Папенька сиял. Следом за Степниным ступил молодой подпоручик, и сразу стало ясно, что сродственник. Не краснолиц, не грузен, но так же рыжеват, только без седины, глаза голубые, только ярче, линия губ, прямого, чуть курносого носа, видно, сын?

- Вот, дамы, это мой наследник, - улыбаясь, басил хрипловато Степнин, - Александр Иванович, подпоручик, кавалергард!

И сразу глянул на Катеньку, мол, ну, каково? Александр Иванович смотрел с осторожным пока любопытством, будто знал что-то. Катенька догадалась, не сдержала досады, глянула коротко на папеньку. Тот сиял пуще прежнего.

- Позвольте, Екатерина Павловна?

Это был почти скандал. Первый танец. Тот, который, по мнению папеньки, должен был всё решить, после отвержения первого бала, после так провалившейся задумки на театре, молодой офицер закружил бы её в первом танце у князя Андрея Николаевича на приёме. И всё бы тут же сладилось. Но вдруг... Тот самый князь стоял перед ними. Должен был начинать бал с какой-нибудь признанной светской львицей, а он протягивал руку дебютантке. Веера вокруг порхали нервно, маменька обмерла, Павел Андреевич открыл было рот, да так и застыл. Сле-

лал вперёд отчаянный шаг Александр Степнин, но ожёгся под тяжёлым генеральским взглядом. Даже не прямой командир, на много, много голов выше.

Катенька улыбнулась, не поднимая глаз. Тихо, нежно, очень скромно. И пошла. Под взглядами, которые видели теперь её все, до единого, под ревнивыми, прожигающими спину, любопытными, даже возмущёнными. Среде тихого шепчущего шелеста. Легко ступая, как поутру ступала босыми ногами по влажной от росы траве, будто шла по облаку, даже не статью поражала, невесомостью. И рука у неё была чудно лёгкая, князь не чувствовал почти её пальчиков, а оттого невыносимо хотелось сжать, как сжимать ни в коем случае нельзя, убедиться, что вот она, её рука. Он заговорил почти сразу, тем, что со вчерашнего дня бурлило в нём:

- *«Прикидываться равнодушной, когда сама во власти страстей; казаться весёлой и довольной, когда ты жертва тысячи невзгод; сочетать внешнее спокойствие с душевной бурей...»*, - на память процитировал князь, - Неужто, это про вас, Екатерина Павловна?

Она не покраснела, не потупила взора. Сама не понимала, как смогла? Лишь глянула ему в лицо. Глаза, спокойные, как гладь озера, ярко голубые, почти синие. Как же? Князь помнил отчётливо ту немыслимую зелень, что так поразила его в зале театра. А эти были совсем иными... Он ждал ответа, хоть взглядом она уже ему ответила. Но фигура танца развела их, не дала продолжить беседу. Смена партнёров, глупая выдумка. Он даже не разглядел новую девицу, с которой сейчас расходилась спинами в изящном развороте. Не глядя поймал кончики пальцев в белоснежной перчатке, отпустил без сожаления, продолжая следить только за Катериной. А она улыбнулась своему кавалеру, статному артиллерийскому полковнику, Никите Петровичу Оленину, и сверкнула та самая зелень, вызолоченная огнями свечей в люстрах. Оленин пал тут же, в одно мгновение, натянулся как струна, голову вскинул, дрогнул рукой, так явно, что князь Гагарин сжал челюсть до зубовного скрипа. Боже, какая дерзость! В её очах, в ответном взгляде Оленина! Откуда? Ждать было невыносимо, хотелось сломать рисунок танца, бросить нынешнюю партнёршу, вернуться к Катеньке.

Она, наконец, вернулась к нему сама. Чуть порозовевшая, с озорной искрой в глазах. С прощальным долгим взглядом Оленина вслед. Улыбнулась Гагарину, будто старому знакомому в минуту долгожданной встречи.

- Увы, князь. Эти слова не про меня, - но ни томной печали в голосе, ни жеманства на лице, прежняя дерзость и ещё, что-то новое, почти шепотом, - Мне бы ужасно хотелось быть такой...

Катя смотрела на него с невыносимой откровенностью юности, но, вместе с тем, с невероятной смелостью, такой неожиданной в юной девушке и такой обезоруживающей. Он потерялся. Весь его светский лоск, его выправка, его манеры, его опыт с женщинами, чёрт побери! Всё это никак не годилось, чтобы просто ответить ей. И будто почувствовав это, она развернулась в следующем па и сама продолжила, за него:

- Это, верно, привлекло бы поклонников...

- Зачем вам? – спросил и сам понял глупость вопроса. Она глянула удивлённо и ответила странное:

- Чтобы не идти за уездного помещика с какой-нибудь смешной фамилией.

И рассмеялась. Танец кончился. А

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.